

Наука и насудное революционное дело

1869, источник: [здесь](#). М., "Правда", 1989.

В первом номере «Народного дела», единственном, в котором я участвовал и который почти исключительно принадлежит мне*, я старался определить отношение, какое имеет в настоящее время наука к народу. Теперь хочу сказать несколько слов об отношении той же самой науки к настоящей, революционной молодежи.

* Касательно всех следующих номеров я должен объявить, что я не принимал и не могу принимать в них участия, так как я не согласен ни с содержанием, ни с формой их.

В «Народном деле» я старался и, кажется, успел доказать, что, как ни огромно значение науки в послереволюционном будущем для народа, в настоящее время, т. е. до той революции, которая должна поставить его на ноги и дать ему действительную возможность учиться, она решительно для него не имеет ни малейшего смысла, просто для него недоступна и ему не нужна; что правительство, слишком хорошо понимающее государственные интересы, живой и освобождающей науки до него не допустит; мертвая же или подтасованная наука, имеющая единственной целью провести в народ целую систему ложных представлений и пониманий, была бы для него положительно пагубна, заразила бы его нашим официально общественным ядом и, во всяком случае, отвлекла бы его хоть на малое время от единственно ныне полезного и спасительного дела — от бунта.

Из всего этого я заключил, что люди, толкующие в настоящей среде и при настоящих условиях об образовании народном — или пустые мечтатели и фразеры, или, что еще хуже, всенародные надуватели, эксплуататоры, просто враги.

Для всякого честного человека это должно быть ясно. И потому, оставив этот вопрос в стороне, как уже решенный, рассмотрим другой вопрос, об отношении науки к революционной молодежи.

Месяца два тому назад я написал «Воззвание к молодым братьям», в котором поздравлял молодежь с тем, что правительство гонит ее из университетов и школ в Народ. Немало досталось мне с разных сторон за такое дерзкое проявление искренней мысли. Не говорю уже о законном негодовании людей, принадлежащих к официальному миру, или к так называемой порядочной, патриотически-литературной публике нашей. Заслуживать и вызывать негодование этих господ я всегда буду считать для себя величайшей честью, и мне стало бы горько и стыдно, если б я хотя раз, ненарочно, заслужил чем бы то ни было их одобрение.

Но между порицателями моего воззвания нашлось довольно много людей, принадлежащих к разряду более мне близкому, таких людей, между теоретическими взглядами которых и моими понятиями разницы почти нет никакой, но воззрения которых на практическое дело зато совершенно противны моим воззрениям. Выскажусь яснее.

Люди, мыслящие и занимающиеся ныне политическими и социальными вопросами в России, делятся на два разряда: одни хотят или воображают себе, что хотят, всевозможных реформ, улучшений, освобождений и всякого преуспевания для нашего бедного, измученного народа, но стремятся ко всем этим благам путем государственным; они почти всегда порицают и часто ругают правительство, того или другого министра, пожалуй, самого государя, но вместе с тем думают, что государство есть лучшее и даже единственное средство для достижения народных целей и для осуществления высоких народных судеб; и потому ставят всегда и везде на первом плане преуспевание и силу государства как единственно возможную основу для блага народного. Другие, напротив, дошли до того убеждения, что государство по существу и по форме вместе с церковью принадлежит к гнуснейшим и ко вреднейшим порождениям исторического невежества и рабства; что вообще всякое государство, а по преимуществу Всероссийское, не только мешает, но уничтожает в корне самую возможность благосостояния и свободы народов. Основываясь на таком убеждении, они думают, что для освобождения народа нашего необходимо полнейшее разрушение Всероссийского государства.

К первому разряду принадлежат реформаторы-государственники, ко второму — революционеры.

Я, со своей стороны, пришел к тому убеждению, что не стоит тратить слов с государственниками, какими бы либеральными они ни казались. Кажись или будь они в самом деле от природы и мягкосерды, и человеколюбивы, и благородны, суровая логика обрекает их на подлость, на зверство, потому что никакое государство, а тем паче Всероссийское, без подлости и без зверства ни существовать, ни даже год продержаться не может. Им прямая дорога если не в полнейшую отставку от всякого дела, так в Муравьевщину.

Другое дело революционеры; с ними говорить можно и должно. Но и революционеры делятся, в свою очередь, на две категории: на доктринеров и на людей живого и насущного дела.

Революционерами доктринерными я называю тех, которые дошли до революционного понимания и до сознания необходимости революции не из жизни, а по книжкам. В иных, менее серьезных, но зато более драматических и самолюбивых, чтение истории прошедших революций возбудило юношеское воображение; пример знаменитых революционных героев возбудил желание сделаться или, по крайней мере, казаться такими же героями. Они мечтают о насильственных переворотах, в которых разыгрывают, разумеется, сами не последнюю роль, о баррикадном бое, о терроре и об общеспасительных, издаваемых ими, декретах, и им самим становится страшно при одной мысли о том, как они будут страшны. Эти люди тешатся невинною игрою в революцию. Всегда самолюбивые и далее тщеславные, они в начале своей карьеры довольно искренни; принимая пыл юношеского воображения за

жар сердца, громкую фразу за мысль и стремительность темперамента за доказательство энергии и воли, они сначала серьезно верят в себя. Потом жар остывает, но пустота мысли и привычка ходульности остаются, и они становятся под конец неисправимыми фиглярами и фразерами.

С этими людьми всякий разговор бесполезен. Им дела нет до дела, а только до себя. Говоря беспрестанно во имя народа, они никогда не заботились и ничего знать не хотят о народе. Народ для них только предлог, пешка, подстава, бессмысленная и мертвая масса, ожидающая жизни, мысли, счастья, свободы от них и единственно только от них. Они чувствуют в себе диктаторское призвание и не сомневаются в том, что народ будет двигаться как глупое стадо по их мановению. Постоянное вожжание с собою доходит в них до сумасшествия. Никакой предмет, никакое происшествие, как бы велики они ни были, не могут заставить их забыть о себе: во всем они видят только себя. Пусть же продолжают они собою любоваться; мы отвернемся от них.

Есть доктринеры более серьезные: люди, дошедшие до революционного сознания не путем личной, самолюбивой фантазии, а путем глубокого объективного мышления, путем серьезного изучения истории и настоящего положения народа. Эти люди знают и объясняют вам как нельзя лучше, почему в настоящее время всякий порядочный человек должен быть революционером. И — странная вещь! — зная это так хорошо, они редко и с необыкновенным трудом становятся сами настоящими революционерами. Как объяснить это явление?

По-моему, оно объясняется очень хорошо. Дошли они до революционного сознания не путем жизни, а мысли, наперекор всей их жизненной обстановке. Сравнительно с невыносимой жизнью миллионов их жизнь хороша и легка. Даже сама государственная действительность, столь черствая и беспощадная для народа, касается до них гораздо учтивее и мягче. В их собственной жизни сравнительно редко встречаются обстоятельства, происшествия и случаи, могущие пробудить в человеке непримиримую ненависть, неутолимую страсть разрушения. Их революционная страсть по преимуществу отвлеченная, головная и только редко серьезная.

Разумеется, тяжело и часто становится невыносимо для умного и благородного человека жить в мире подлости, пошлости, зверства, быть ежедневным свидетелем самой гнусной и вопиющей неправды. Но к чему человек не привыкнет? Само чувство негодования притупляется, когда мерзость становится фактом непрерывным и повсеместным. Лишь только личная обида смертельна, к чужим же обидам привыкнуть можно.

Наконец, когда становится невтерпёж, можно уехать на время и отдохнуть за границей, можно также уйти в святой и вечно юный мир науки, искусства, дружбы, любви; можно заняться или устройством какого-нибудь невинного кооперативного товарищества, или разумною обстановкою своей собственной жизни.

Если же совесть бунтует и не соглашается на такие примирения и сделки, то ее можно уговорить следующими рассуждениями: «Действительность, без сомнения, мерзка, но она сильна, и мы против нее бессильны. Сила же не заключается в произволе того или другого

лица, а в совокупности всех drobных общественных сил, фактов, стремлений и настроений, которых она есть порождение и полнейшее выражение. Она существует как непрерывный результат всего живущего и действующего в обществе; значит, никакая личная сила не в состоянии ее уничтожить, и было бы смешно со стороны одного или нескольких лиц пытаться ее уничтожить. Если действительность наша такова, что она производит из своей среды, делает возможными и даже необходимыми царей, как Александр II, министров и государственных людей, подобных нынешним, то мы должны поневоле покориться неотвратимой необходимости, против которой всякая попытка бунта была ребячеством. Если б даже нам удалось уничтожить Александра Николаевича вместе со всем царским семейством и со всеми его чудотворцами, архангелами, и ангелами-исполнителями, то другие, такие лее или даже, пожалуй, их хуже, не замедлили бы стать на их место. Они не болезнь, а только проявление болезни, точно так же как вошь в голове нечистоплотного человека есть продукт нечистоты, или гной раны продукт не зависящего от него телесного повреждения.

Хотите вы, чтоб вперед такие цари и министры сделались невозможными, не занимайтесь ими; и, не тратя сил на бесплодные бунты, устремите их исключительно на изменение общественной среды, которая, в виде паразитов и гноя, порождает таких уродов. Будем действовать неусыпно и неутомимо, но действовать разумно, осторожно и хладнокровно, не ожидая плодов на будущий день и довольствуясь мыслью, что наши усилия готовят разумный общественный строй для будущих поколений. Что ж станем мы делать? Отказавшись от всякой политической и служебной деятельности, которая для нас в настоящее время ни в правительственном, ни в антиправительственном смысле решительно невозможна, предадимся изучению и живой пропаганде печатью, словом и жизнью зрелых социальных идей; образуем кружки литературно-социальные, кооперативные общества науки, работы и жизни. Прежде всего нам нужен свет, как можно более света! Большинство между нами невежи, мы должны много учиться и всему научиться прежде, чем станем помышлять о практических преобразованиях общества. Итак, станем учиться и помогать учиться другим. Научим невеж, поддержим бедных. Таким образом, мы образуем в непродолжительное время фалангу молодых людей, честных деятелей, знающих, чего им желать, чего им хотеть, куда им стремиться. Разумеется, главным предметом изучения у наших кружков будет Россия, ее история, ее настоящее положение. Мы все толкуем о ней, каждый хочет ее освободить, и никто не знает ее, не знает, чего действительно надо народу, чего он хочет и куда неотвратимый фатум истории его ведет? Вот когда мы действительно узнаем его, узнаем его прошедшее и его настоящее, тогда нам будет легко угадать его будущее, а раз его угадав, мы с знанием и непоколебимой верой, осмысленной этим знанием, вступим на поприще дела, и тогда мы будем всемогущи, тем более, что к тому же времени, вероятно, созреет сознание народное, зреющее ныне гораздо быстрее, чем прежде. Да наконец, и мы сами, занимаясь, с одной стороны, своим собственным образованием, можем, с другой, более или менее способствовать его скорейшему созреванию. Несмотря на все преграды, противопологаемые нам правительством, мы можем распространять нашу пропаганду и на народ посредством сельских учителей, посредством дельных и умных книжек, посредством кооперативных мужских и женских артелей, посредством сельских школ, наконец, даже посредством земских учреждений. Нет сомнения, что правительство будет нам мешать на каждом шагу— катковские, скарятинские и другие благомыслящие журналы вместе со всеми скотами и дураками в дворянстве—а их

легион! —будут на нас клеветать, доносить, нас будут жестоко преследовать. Но если нас будет много, если мы своими мирными, но вместе с тем непреклонно к одной и той же цели стремящимися фалангами покроем всю Русскую землю и пойдем дружно, опираясь друг на друга, опираясь на закон и на свое несомненное право, сильные мыслью, служащею нам звездой путеводной,— мы победим всех противников, все препятствия, мы будем сильнее правительства и додумаемся, наконец, до народа, до возбуждения жизни народной».

Вот, кажется, во всей ее полноте программа наших умных доктринеров. Тут есть и светлая мысль, и высокий подвиг. Нет только никакой реальности, нет действительной почвы, нет настоящего дела, нет жизни. Для того чтоб разбить раз навсегда эту систему, это последнее убежище получестного доктринаризма — вполне честным никакое доктринерство быть не может, — я прослежу ее аргументацию шаг за шагом; а для того чтоб не удаляться от своего предмета, буду брать доказательства и примеры по преимуществу из русской государственной и общественной действительности. Итак, поклонившись по русскому обычаю на все четыре стороны, вступаю в бой с этим современным чудовищем — доктринерством, поедающим столько живых сил и губящим столько молодых людей в России.

Я допускаю охотно первое положение его, что действительность, т. е. политические, гражданские и общественные порядки, существующие в данное время во всякой стране,— есть окончательный итог или, вернее, результат борьбы, столкновения, взаимного уничтожения, переселения и вообще комбинации и взаимного действия всех разнородных внутренних и внешних сил, действующих в этой стране и на эту страну. Что ж из этого следует? Во-первых, то, что изменение этих порядков не иначе возможно и никогда иначе не происходит, как через изменение самого равновесия между силами, действующими в данном обществе.

Для того чтобы решить важный вопрос, как изменились в истории и как в настоящее время могут быть изменены существующие равновесия или порядки в обществе, взглянем поближе на самую сущность общественных сил. Точно так же, как в органическом и неорганическом мире все, что живет или даже просто механически, физически и химически существует, непременно, в какой бы то ни было мере, влияет на весь окружающий мир, точно также в обществе самое ничтожное человеческое существо представляет собою частицу общественной силы. Разумеется, что если взять эту частицу в ее полнейшем уединении, то она будет в сравнении с громадною совокупностью всех общественных сил ничтожна, почти равна нулю. Поэтому, если б я сам один и без всякой связи с кем бы то ни было намеревался переменить существующие порядки только потому, что они мне, именно мне и только мне одному не нравятся, — я был бы дураком.

Если б нас собралось десять, двадцать, тридцать человек с одинаковою целью, то это было бы уж гораздо серьезнее, хотя все еще далеко не достаточно для достижения самой цели, если только эта цель по самому существу своему не чересчур ограничена и ничтожна. Дружное усилие нескольких десятков людей гораздо серьезнее всякого одинакового усилия не потому только, что сумма нескольких единиц всегда больше одной единицы, — в многомиллионном обществе сумма нескольких десятков ничтожных частиц в сравнении с громадною суммою всех общественных сил также почти равна нулю, — но потому, что когда

десять или более людей соединяют свои усилия для достижения общей цели, между ними зарождается новая сила, далеко превосходящая простую арифметическую сумму их частных усилий. В политической экономии этот факт был впервые подмечен Адамом Смитом и приписан натуральному действию разделения работы. Но в рассматриваемом мною случае действует, т. е. создает новую силу, не только разделение работы, а также, и еще в гораздо большей мере, сговор — сговор и последующее за ним непременно создание плана действия, а потом и наилучшее распределение и механическое или рассчитанное устройство немногочисленных сил сообразно с созданным планом.

Дело в том, что со времени, как существует история, во всех странах, даже самых просвещенных и сознательных, вся сумма общественных сил делится на два главные, существенно друг от друга различные и часто, молено даже сказать почти всегда, друг другу противоположные разряды. На сумму сил бессознательных, инстинктивных, традиционных, как бы стихийных и совсем почти неорганизованных, хотя и исполненных жизни, и на несравненно меньшую сумму сил сознательных, сговоренных, соединенных намеренно и действующих по заданному плану и сообразно плану механически организованных. К первому разряду принадлежит вся многомиллионная масса народа и даже по многим отношениям значительное большинство образованного и привилегированных сословий и, наконец, даже вся низшая бюрократия и войско; хотя и сословия, и бюрократия, и войско по существу своему, по выгодам своего положения и по целесообразному, более или менее механическому устройству принадлежат ко второму разряду, центр которого, разумеется, занимает правительство. Одним словом, общество разделено на меньшинство, состоящее из эксплуататоров, и на огромную массу, более или менее сознательно эксплуатируемую.

Разумеется, что нет возможности отделить резкою чертою один мир от другого. В обществе, как в природе, самые противоположные силы в предельных пунктах сливаются. Но можно сказать, что у нас, например, крестьянский народ и мещане — чистые представители огромной массы эксплуатируемых. Над ними возвышаются один за другим целые общественные слои, которые, чем ближе к народу, тем более принадлежат к разряду эксплуатируемых и тем менее эксплуатируют сами, и чем от него дальше, тем в большей мере принадлежат к разряду эксплуататоров и тем менее терпят от эксплуатации.

Так, у нас над крестьянством и над мещанством возвышается в деревнях общество кулаков, в городах купеческие гильдии, несомненно эксплуатирующие народ, но в свою очередь эксплуатируемые, так же как и сам народ, богатейшим купечеством, поповством, дворянством и паче всего низшим и высшим правительством. То же самое молено сказать и о низшем духовенстве, заедаемом высшим, и о мелкопоместном, а теперь даже и о среднем дворянстве, затираемом все более и более, с одной стороны, богатыми поземельными собственниками из купеческого сословия, а с другой — чиновного и придворного аристократией. Сама бюрократия и войско представляют страннейшее смешение страдательности и деятельности в деле государственного эксплуатирования, причем, разумеется, чем ниже, тем более страдательности, чем выше, тем более сознательной деятельности.

На самом верху этой лестницы стоит немногочисленная группа чистейших и сознательнейших эксплуататоров: Верховное Правительство, т. е. прежде всего Государь-Император со всем августейшим домом своим, потом его двор, его министры, его генерал-адъютанты и флигель-адъютанты, все высшие чины в военном, в гражданском и в духовном ведомстве, а обок них высший финансовый, промышленный и торговый мир, заедающий, с позволения правительства и под его покровительством, все богатство или, вернее, всю бедность народную.

Вот, кажется, верное распределение русского мира. Теперь посмотрим, в каком количественном отношении эти три разряда находятся между собою? Из 70 миллионов жителей целой империи на долю первой, или низшей, категории людей, чисто эксплуатируемых, выпадает никак не меньше 67 или даже 68 миллионов. Количество чистых и вполне сознательных, значит, вполне злонамеренных эксплуататоров никак не превышает трех, четырех, ну, скажем, 10000 людей. Около двух или трех миллионов остаются поэтому на средний разряд, состоящий из людей в одно и то же время, хотя и не в одинаковой мере, эксплуатирующих и эксплуатируемых. Этот разряд может быть разделен на два отдела: на огромное большинство, состоящее из людей гораздо более эксплуатируемых, чем эксплуатирующих, и на меньшинство мало эксплуатируемых и более или менее сознательных эксплуататоров; присоединим этот последний отдел к высшему разряду чистейших и высокопоставленных эксплуататоров, и мы получим на 70 миллионов жителей много, много, что 200 тысяч настоящих, злостных эксплуататоров, так что на каждую эксплуатирующую душу выпадет около 350 душ эксплуатируемых.

Теперь спрашивается: откуда могло взяться такое уродливое отношение? Почему в государстве 200000 человек могут безнаказанно эксплуатировать 70 миллионов? Разве в этих двухсот тысячах более физической силы или более природного ума, чем в остальных семидесяти миллионах? Достаточно поставить этот вопрос, для того чтобы отвечать на него отрицательно. О физической силе и говорить нечего, что же касается до природного ума, то если вы возьмете из народа, без всякого выбора, первые двести тысяч человек, попавшихся вам под руку, и сравните их с двумястами тысяч эксплуататоров, то вы немедленно убедитесь, что в первых гораздо более природного ума, чем в последних. Но последние имеют перед первыми огромное преимущество: образование.

Да, образование есть несомненная сила, и как бы плохо, поверхностно и уродливо ни было образование наших высших сословий, нет сомнения, что оно вместе с другими причинами способствует к удержанию власти и силы в руках привилегированного меньшинства. Но тут же является вопрос: почему меньшинство образованно, почему не образованно огромное большинство? Потому ли, что меньшинство более способно к образованию, чем большинство? Опять-таки стоит только поставить этот вопрос, для того чтоб отвечать на него отрицательно. Образовательной способности в народе несравненно больше, чем в меньшинстве, значит, меньшинство пользуется привилегией образования совсем по иным причинам. Какие же это причины? Причина одна и к тому же всем известная: меньшинство находилось и продолжает находиться в таком положении, что образование для него доступно, а народные массы в таком, что образование для них невозможно, т. е. меньшинство находится в выгодном положении эксплуататоров, а народ — жертва их эксплуатации. Значит, отношение эксплуатирующего меньшинства к эксплуатируемому

народу определялось гораздо прежде того момента, когда меньшинство путем исключительного самообразования стало стремиться к утверждению власти в своих руках. На чем же могло оно основаться прежде этого момента? На единственной силе сговора.

Все государства, настоящие и прошедшие, имели непременно и главным началом сговор. Напрасно отыскивают главную причину образования государств в религии. Нет сомнения, что религия, т. е. народное невежество, изуверие и обусловленная ими народная глупость, много способствовала к устройству систематической эксплуатации народных масс, называемой государством. Но для того чтобы глупость была эксплуатируема, непременно нужно, чтоб нашлись эксплуататоры, которые, сговорившись между собою, и создают Государство.

Возьмите сто дураков, между ними непременно найдутся несколько людей посмышленнее, которые хотя и глупы, но менее глупы, чем все другие; поэтому самым естественным образом они сделаются вожаками и в этом звании или, скорей, положении, будут, пожалуй, сначала друг против друга бороться, пока не поймут, что они таким образом уничтожают друг друга без всякой пользы для себя и для того, что им кажется делом. Поняв это, они будут стремиться к соединению; пожалуй, соединятся не все, но разделятся на две, на три группы, на два, на три сговора. Между группами необходимо начнется борьба, причем каждая будет употреблять все возможные средства: и услуги, и подкуп, и обман, и, разумеется, религию, чтобы привлечь на свою сторону народную массу, т. е. всех остальных дураков. Вот вам и начало государственной эксплуатации. Наконец, одна партия, наиболее обширный и умный сговор, победив все другие, воцаряется и создает правильное государство. Победа, естественным образом, привлекает на сторону победителей много людей из лагеря побежденных, и если победившая партия умна, то она охотно принимает в свою среду, оказывает всякое уважение и дает всякую льготу наивлиятельнейшим и сильнейшим из партии побежденных, распределяя их по роду их специальных занятий, т. е. тех способов и тех средств, к которым они привычным или наследственным образом прибегают для эксплуатации более или менее сознательно всех остальных дураков, — кого в поповство, кого в дружину или в боярщину, кого в купечество. Таким образом создаются государственные сословия, и государство совсем готово. Та или другая религия потом объясняет, т. е. обоготворяет, совершившийся факт насилия и тем самым кладет основание так называемому государственному праву.

Раз утвердившись, государственные сословия продолжают развиваться и укрепляться над народною массою путем естественного нарастания и унаследования. Дети и внуки первых сословников становятся, чем далее, тем в обширнейшей мере, эксплуататорами народа еще более по своему положению, чем по сознательному и преднамеренно рассчитанному плану. Заговор преднамеренный сосредоточивается все выше и выше в руках верховного правительства и наиболее близко стоящего к нему меньшинства и превращается для огромнейшего большинства привилегированных сословий в эксплуатацию все более и более привычное, традиционное, обрядное и более или менее наивное.

Мало-помалу, и тем сильней, чем дольше, большинство эксплуататоров по рождению и по унаследованному ими положению в обществе начинают верить серьезно в свои исторические и прирожденные права. И не только они сами, массы эксплуатируемых ими,

подвергаясь влиянию той же традиционной привычки и тлетворному действию злоумышленных религиозных учений, начинают также верить в права своих эксплуататоров и мучителей и продолжают верить в них до тех пор, пока мера их мук не переполнится и страдания всякого рода не пробудят в них другое сознание.

Это новое сознание пробуждается и развивается в народных массах чрезвычайно медленно. Века проходят, прежде чем оно совсем не пробудится; но зато, уж когда оно пробудилось, оно ломает все, никакая сила не может ему воспротивиться. Поэтому главная задача государственной мудрости состоит именно в том, чтоб помешать всеми средствами пробуждению разумного сознания в народе или, по крайней мере, чтоб замедлить его донельзя.

Медленность же развития разумного сознания в народе происходит от двух главных причин. Во-первых, народ задавлен тяжелой работой и еще более тяжкою заботой о жизни. А во-вторых, он самим политическим и экономическим положением своим обречен на невежество.

Нищета, голод, изнурительная работа и непрерывное притеснение достаточны, чтобы забить самого сильного и самого умного человека. Присоедините ко всему этому невежество, и вы подивитесь, что этот бедный народ, хоть самым медленным шагом, двигается еще вперед и не становится, напротив, год от году глупее.

Знание — сила, невежество — причина общественного бессилия. Еще бы ничего, если б в обществе все были бы погружены в одинаковое невежество. Тогда кто от природы умнее, тот был бы и сильнее. Но ввиду впереддвигающегося образования государственных сословий сама натуральная сила ума народного тратит свое значение. Что такое образование, если не умственный капитал, сумма умственных трудов всех прошедших поколений? Где ж невежественному уму, как бы он ни был силен от природы, выдержать борьбу против коллективной умственной силы, выработанной веками? Вот почему мы видим нередко, что умный человек из народа пасует перед образованным дураком. Дурак поражает его не своим умом, а чужим, приобретенным. Это случается, впрочем, только тогда, когда умный мужик встречается с образованным дураком в вопросах для него неизвестных. На своей собственной почве, им досконально изведанной, мужик в состоянии забить десяток и целую сотню образованных дураков. Но в том-то и беда, что вследствие невежества область народного мышления чрезвычайно тесна. Редкий умный мужик видит далее своей деревни, в то время как самый ограниченный человек, получивший образование, приучается обнимать своим слабым умом интересы и жизнь целых стран. Невежество главным образом мешает народу сознать свою повсеместную солидарность, свою громадную численную силу; мешает ему сговориться и создать организацию бунта против организованного грабежа и утеснения — против государства.

Всякое благоразумное государство употребит поэтому всевозможные средства для того, чтоб поддержать в народе это драгоценное невежество, на котором зиждется вся его сила и самое существование.

Точно так же, как в государстве народ обречен на невежество, точно так же сословия государственные самым положением своим призваны двигать вперед дело государственной цивилизации. До сих пор не было другой цивилизации в истории, кроме цивилизации сословной. Народ настоящий, чернорабочий народ был для нее до сих пор только орудием и жертвою. Он черной и тяжелой работой своей создает материал для общественного просвещения, которое, в свою очередь, увеличивая все более и более преобладание государственных сословий над ним, вознаграждает его нищетою и оковами.

Если б сословное просвещение подвигалось постоянно вперед, а народное сознание было бы лишено всякого развития, то рабству народному не было бы конца, напротив, оно должно бы было становиться с каждым новым поколением все глубже и глубже. К счастью, ни сословия не подвигаются постоянно вперед, ни народ ни остается недвижим. В самом ядре сословного просвещения есть червь, сначала еле заметный, но разрастающийся вместе с ним и разъедающий и разрушающий его под конец совершенно. Червь этот не что иное, как привилегия, неправда, эксплуатирование и притеснение народа, составляющие самую суть всякого сословного существования и поэтому также и всякого сословного сознания.

В первые, героические времена сословной жизни все это мало чувствуется и еще менее сознается. Эгоизм сословный прикрывается в начале истории героизмом лиц, жертвующих собою отнюдь не для пользы народной, но для пользы и для славы сословия, составляющего для них весь народ и за которым они видят только врагов или рабов. Таковы были пресловутые греческие и римские республиканцы. Но героические времена скоро проходят, наступают за ними времена прозаического пользования и наслаждения, когда привилегия, являясь в своем настоящем виде, порождает эгоизм, трусость, подлость и глупость. Сословная сила обращается мало-помалу в дряхлость, в разврат и в бессилье.

В этот период падения сословий выделяется из него меньшинство людей неиспорченных или менее испорченных — людей живых, умных и великодушных, предпочитающих правду своим собственным интересам и додумавшихся до права народного, попранного сословными привилегиями. Они обыкновенно начинают с того, что пытаются тщетно пробудить совесть в сословии, к которому принадлежат по рождению; потом, убедившись в тщетности своих усилий, поворачиваются к нему спиною, отвергаются от него и становятся апостолами народного освобождения и народного бунта. Таковы были наши Декабристы.

Если Декабристы не имели успеха, так это по двум главным причинам. Во-первых, они все-таки были дворяне; и, не имея никакого общения с народом, они плохо знали, что ему нужно. Во-вторых, потому, что они, вследствие той же причины, не умели к нему подойти, не умели пробудить в нем страсть и веру, говорили ему своим языком свои, а не народные мысли. Настоящими предводителями народного освобождения могут быть только люди из народа. Но каким образом из самой глубины народного невежества могут выработаться освободители народные?

По мере того как ум и сила сословные падают, подымается народный ум, а за ним и народная сила. В народе, как бы ни развивался он медленно и хотя книжное образование для него недоступно, движение вперед никогда не останавливается. У него есть две настольные книги, по которым он учится беспрестанно: первая — горький опыт, нужда,

притеснения, обиды, грабеж: и мучения, претерпеваемые им каждодневно со стороны правительства и сословий; другая книга — это живое, изустное предание, переходящее от поколения к поколению и становящееся с каждым новым поколением полнее, разумнее и шире. За исключением весьма редких моментов, в которые народ, выведенный из терпения, выходил сам, собственным движением на сцену, народ играл до сих пор во всех государствах гораздо более роль зрителя, чем актера, в исторической драме, а если и был отчасти актером, так вроде тех безгласных, которых выводят на сцену для представления войска или народа. В борьбе сословных партий между собою народ, разумеется, был всегда призываем на помощь каждою, и каждая, пока в нем нуждалась, обещала ему, разумеется, всевозможные блага; но лишь только борьба кончалась победой той или другой партии или их обоюдною сделкою, обещания естественным образом забывались; мало того, народ должен был вознаградить и той и другой все убытки. Примирение или победа не могла иначе совершиться, как на его исключительный счет. Впрочем, ведь иначе и быть не могло, и всегда будет так, пока не изменятся совершенно экономические и политические условия общественной жизни.

О чем могут спорить сословные партии между собою? Только о богатстве и власти. Что ж такое богатство и власть, как не два неразлучные вида эксплуатирования народного труда и народной неорганизованной силы. Все сословные партии богаты и сильны только силою и богатством, уворованными ими у народа. Значит, поражение какой бы то ни было партии есть поражение известной части силы народной; убыток и разорение ее непременно есть разорение такой же части народного богатства. Торжество же и обогащение торжествующей партии не только ничего не приносит народу, но ухудшает его положение; во-первых, потому что он всегда один платит все издержки борьбы; а во-вторых, потому что победившая сторона, не имея более соперника в деле эксплуатирования народной жизни и силы, начинает его эксплуатировать с гораздо большею энергиею и бессовестностью.

Таков опыт, сделанный всеми народными массами от начала самой истории, и народ, этот многовековой ученик, доходит, наконец, до разумного сознания, до ясного понимания вещей рядом подобных опытов, из которых каждый стоил ему невесть сколько мучения, разорения и крови.

В основании всех исторических вопросов, национальных, религиозных и политических, лежал всегда не только для чернорабочего народа, но и для всех сословий и даже для государства и церкви, самый важный, самый существенный вопрос экономический. Богатство было всегда и до сих пор остается неперменным условием для осуществления всего человеческого: власти, силы, ума, знания, свободы. Это до такой степени справедливо, что самая идеальная церковь в мире, христианская, проповедующая презрение к благам мира сего, едва только успела победить язычество и на развалинах его поставить свое могущество, как уж устремила всю энергию свою на приобретение богатства. Политическая сила и богатство неразлучны. Кто силен, тот имеет все средства для приобретения богатства и непременно должен стремиться к приобретению его, потому что без богатства он долго не сохранит своей силы. Кто богат, тот может и непременно должен стать сильным, потому что если у него не будет силы, сила чужая отнимет у него богатство. Чернорабочий народ во все времена и во всех странах был бессилён, потому что был в нищете, и оставался он нищим потому, что у него не было организованной силы. Мудрено ли после того, что во

всевозможных вопросах он видел и видит главным образом и прежде всего вопрос экономический—вопрос о хлебе.

Чернорабочий народ, эта постоянная жертва цивилизации, этот страдалец истории, далеко не понимал и не видел его всегда, как видит и понимает теперь, но зато во все времена чувствовал его одинаково сильно, и можно сказать, что посреди всех исторических вопросов, вызывавших его доселе на более или менее страдательное содействие, во всех инстинктивных стремлениях и попытках его на религиозном или на политическом поприще он чувствовал только его и стремился только к его разрешению. Всякий народ, взятый в своей совокупности, и всякий чернорабочий человек из народа — социалист по своему положению. А эта манера быть социалистом несравненно серьезнее манеры тех социалистов, которые, по выгодной обстановке всей своей жизни принадлежа к высшим сословиям, пришли к социалистическим убеждениям только путем науки и мысли.

Я отнюдь не пренебрегаю ни наукой, ни мыслью. Знаю, что ими, главным образом, человек отличается от всех других животных, и признаю их за единственные путеводные звезды всякого человеческого преуспевания. Но знаю вместе с тем, что они холодно светят, когда не идут рука об руку с жизнью, и знаю, что самая правда их становится бессильною и бесплодною, когда она не опирается на правду в жизни. Противуречие с этою последнею правдою обрекает нередко и науку, и мысль на ложь, на софизм, на служение неправде — или, по крайней мере, на постыдную трусость и бездеятельность. Ведь ни наука, ни мысль не существуют особо, в абстракте, они проявляются только в живом человеке, а всякий живой человек — существо нераздельное, которое не может в одно и то же время искать строгой правды в теории и пользоваться плодами неправды на практике. Во всяком, даже самом искреннем социалисте, принадлежащем не по рождению — это бы еще ничего, мало ли какие перемены могут случаться с ним после рождения! — но по настоящей жизни своей к какому-нибудь из привилегированных, т. е. народ эксплуатирующих, сословий, вы непременно найдете это противуречие между мыслью и жизнью; противуречие это непременно парализует его, делает его более или менее бессильным, и он не может сделаться иначе социалистом вполне искренним и могучим, как разорвавши решительно все связи с привилегированным или эксплуатирующим миром и отказавшись от всех выгод его.

Чернорабочему человеку не от чего отказываться, не от чего отрываться — он социалист именно по своему положению. Вечно нищий, обиженный и забитый, он по инстинкту, на факте — естественный представитель всех нищих, обиженных и забитых,— а что такое весь социальный вопрос, если не вопрос об окончательном и всецелом освобождении всех нищих, обиженных и забитых? Существенная разница между образованным социалистом, принадлежащим, хоть даже по одному образованию своему, к государственно-сословному миру, и бессознательным социалистом из чернорабочего люда состоит именно в том, что первый, желая быть социалистом, никогда не может сделаться им вполне, в то время как последний, будучи вполне социалистом, не подозревает о том и не знает, что есть социальная наука на свете, и даже никогда не слышал самого имени социализма. Один знает, но не есть, другой есть, но не знает. Что лучше? По-моему, быть лучше. Из отвлеченной мысли, не сопровождаемой жизнью и не толкаемой жизненной необходимостью, переход в жизнь, можно сказать, невозможен. Возможность же перехода бытия к мысли доказывается всею историею. Она доказывается именно историею

чернорабочего люда.

Весь социальный вопрос сводится на вопрос чрезвычайно простой. Толпы народные обречены были до сих пор, всегда и везде, на нищету и на рабство. Они составляли везде и всегда огромное большинство в сравнении с притесняющим и эксплуатирующим их меньшинством. Значит, численная сила была всегда, как и теперь, на их стороне. Почему же не воспользовались они ею до самой настоящей минуты для того, чтоб свергнуть с себя разорительное и ненавистное иго? Можно ли представить себе, чтоб было время, когда они его любили, когда оно им не было тяжело? Это было бы противно здравому смыслу, противно самой природе. Все живое стремится к благосостоянию и воле, и для того, чтоб ненавидеть своего притеснителя или грабителя, не нужно даже быть человеком, достаточно быть животным. Следовательно, долготерпеливость масс объясняется другими причинами.

Одна из главных причин, несомненно, заключается в народном невежестве. Вследствие этого невежества народ не обнимает себя как солидарную и в своей солидарности всемогущую массу, он разъединен в своем понятии о себе, точно так же как под влиянием гнетущих его обстоятельств разъединен в жизни. Эта двойная разъединенность есть главный источник его ежедневного бессилия. Вследствие этой разъединенности в народе, невежественном или стоящем на низшей степени исторического образования или исторического коллективного опыта, каждое лицо, каждая община, каждая волость видит в претерпеваемых ими бедах и притеснениях явление личное или частное, а не общее явление, касающееся всех одинаково и долженствующее поэтому всех связать в едином и общем предприятии, отпоре или деле. Напротив, область смотрит на область, община на общину, семья на семью и лицо на другое лицо как на врага, готового его притеснить и ограбить, а пока продолжается это взаимное отчуждение, всякой еле-еле сговорившейся и организованной партии, касте или государственной власти, представляющей собою сравнительно даже самое незначительное число людей, весьма легко терроризировать, надувать и притеснять миллионы чернорабочих.

Вторая причина, также непосредственное последствие того же самого невежества, состоит в том, что народ не видит и не знает главных источников своих бедствий и ненавидит часто только проявления причины, а не самую причину, точно так же как собака нередко кусает палку, которою ее бьет человек, а не человека, бьющего ее палкою. Поэтому правительствам, кастам, партиям, основывавшим доселе все существование свое на заблуждении народном, было чрезвычайно легко обманывать народ, эту постоянную жертву всех государств и всякого государственного управления. Не зная настоящих причин своих бед, народ, разумеется, не мог знать и тех путей, и тех средств, которыми он может от них избавиться, а прибегал или, лучше, давал себя увлекать от одного ложного пути на другой, столько же ложный, и, ища средств для спасения там, где их не было и быть не могло, сам служил средством против себя для своих эксплуататоров и притеснителей.

Таким образом, народные массы, подвигаемые все тою же самою социальною потребностью улучшения своей жизни и освобождения от нестерпимого гнета, давали себя увлекать из одной религиозной бредни в другую, из одной политической формы, созданной для их притеснения, в другую, готовящую им притеснение такое же и нередко и худшее; точно человек, мучимый болезнью, поворачивающийся с бока на бок в надежде, что на другом бо-

ку ему будет легче, и чувствующий при каждом новом повороте, что ему все становится хуже и хуже.

Такова была до сих пор история чернорабочего люда во всех странах, в целом мире. История безнадежная, страшная, гнусная, способная привести в отчаяние всякого ищущего в ней человеческой справедливости. И все-таки в отчаяние приходить не следует. Как она ни гадка, нельзя сказать, чтоб она прошла даром и не принесла никакой пользы. Что ж делать, если самой природой своей человек осужден путем всевозможных мерзостей и мучений доработываться из тьмы кромешной до разума, из скотства до человечества! Путем исторических заблуждений и неразлучных с ними бед образовались безграмотные толпы. Они потом и кровью, нищетой, голодом, рабской работой, мучением и смертью платили за каждое новое движение, в которое их вовлекали эксплуатировавшие их меньшинства. Вместо книг, которых они читать не умели, вся история записывалась на их шкуре. Такие уроки не забываются. Платя так дорого за каждую новую веру, надежду, ошибку, народные толпы рядом исторических глупостей доходят до разума.

Они дознали горьким опытом суетность всех религиозных верований, всех национальных и политических движений, вследствие чего в их понимании впервые поставился определенно и ясно социальный вопрос, вопрос, который один соответствует их первоначальному и многовековому инстинкту, но который в продолжение веков, от самого начала государственной истории, был заслонен от них религиозными, политическими и патриотическими туманами. Туманы рассеяны, и вся Европа охвачена ныне социальным вопросом.

Народные массы в настоящее время везде начинают понимать настоящую причину всех своих бед, начинают понимать свою солидарность и сравнивать свое число, необъятное, с ничтожным числом своих вековых грабителей... Но если они уже дошли до такого сознания, что ж мешает им освободиться теперь?

Недостаток организации, трудность сговора.

Мы видели, что во всяком исторически развитом обществе, например, хоть во всех нынешних обществах европейских, вся масса людей разделяется на три главные категории:

на огромное большинство массы, совсем неорганизованной, эксплуатируемой, но не эксплуатирующей;

на довольно значительное меньшинство, обнимающее все государственные сословия; меньшинство, в разную меру эксплуатирующее и эксплуатируемое, притеснительное и притесненное вместе;

и, наконец, на самое незначительное меньшинство чистых и совершенно сознательных и сговоренных между собою эксплуататоров и притеснителей — верховно-правительственное сословие.

Мы видели, что по мере своего разрастания и дальнейшего развития большинство государственных сословий само превращается в полуинстинктивную, пожалуй, государственно-организованную, но не сговоренную, не сознательнодвигающуюся и

действующую массу, так что в отношении к чернорабочей массе, совсем не организованной, оно, разумеется, продолжает играть роль эксплуататорскую, продолжает эксплуатировать народ уже не по сословному преднамерению и не вследствие сговора, а на основании привычки, традиционного и юридического права, веря большею частью в законность и святость этого права; но в то же самое время в отношении к правительственному, сознательно сговоренному меньшинству оно играет в той или другой мере страдательную роль более или менее эксплуатируемой жертвы. А так как у сословного большинства, хотя и недостаточно организованного, все-таки несравненно более богатства, свободы движения и действия, образования и всех других средств, необходимых для заговора и для создания организации, чем у чернорабочего люда, то и случалось нередко, что из среды сословного большинства подымались бунты и что эти бунты одерживали победу над правительством и ставили на его место другое, свое. Таковы были доселе все внутренние политические перевороты, о которых нам повествует история.

Из таких переворотов и бунтов для народа собственно, разумеется, не могло произойти никакого добра. Бунты сословные делаются за обиды сословные, а не за народные, имеют сословные, а не народные цели. Как бы ни спорили сословия между собою и как бы они ни восставали против существующего правительства, ни одна сословная революция не имела еще и не могла иметь целью низвержение тех экономических и политических основ государства, которые делают возможным эксплуатирование чернорабочих масс, т. е. самое существование сословности и сословий. Как бы революционно ни было настроение сословий, как бы они ни ненавидели той или иной государственной формы, само государство для них свято; целость, сила, все интересы его провозглашаются ими единодушно как высшие интересы. Патриотизм, т. е. жертвование собою, своим лицом и имуществом для государственных целей, всегда признавался и до сих пор признается ими за высшую добродетель.

Поэтому ни одна революция, как бы она насильственна и дерзка ни была в своих проявлениях, не смела наложить святотатской руки на священный ковчег государства — а так как никакое государство без организации, без администрации, без войска и без довольно значительного количества людей, облеченных властью, т. е. без правительства, невозможно, то за свержением одного правительства всегда следовало постановление другого, более симпатичного или более полезного для восторжествовавших сословий.

Но, как бы оно ни было для них полезно и симпатично, новое правительство после первого медового месяца непременно начнет навлекать на себя негодование тех же самых сословий. Такова уж природа всякой власти, что она обречена делать зло. Я не говорю уже о зле народном; государство, эта крепость сословная, и правительство, как блюститель государственных интересов, для народа, в какой бы форме они ни существовали,—непременное и безусловное зло. Нет, говорю о зле, претерпеваемом самими сословиями, для исключительного блага которых существование и государства, и правительства необходимо, — говорю, что, несмотря на эту необходимость, оно всегда тяжело ложится на них и, служа их государственным интересам, не менее того их обирает и притесняет, разумеется, не в такой мере, в какой оно обирает и притесняет народ.

Правительство, не злоупотребляющее властью, не притеснительное, не лицепрятное и не ворующее, действующее только в смысле общесловных интересов и не забывающее их очень часто в заботе об исключительном удовлетворении лиц, стоящих во главе его,—такое правительство — это квадратура круга, идеал недостижимый, потому что противный человеческой природе. А природа человека, всякого человека, такая, что дайте ему власть над собою, он вас притеснит непременно, поставьте его в положение исключительное, вырвите его из равенства, он сделается негодяем. Равенство и безвластие — вот единственные условия нравственности для всякого человека. Возьмите самого яростного революционера и посадите его на всероссийский престол или дайте ему власть диктаторскую, о которой так много мечтают наши зеленые революционеры, и он через год сделается хуже самого Александра Николаевича.

Государственные сословия давно в этом убедились и создали даже пословицу, которая гласит, что «правительство есть необходимое зло», необходимое опять-таки, разумеется, только для них, отнюдь не для народа, для которого само государство, ради которого необходимо правительство, есть зло не необходимое, а гибельное. Если б сословия могли обойтись без правительства, сохраняя только одно государство, т. е. возможность и право эксплуатирования народного труда, то они, разумеется, не ставили бы одного правительства вместо другого. Но исторический опыт, например, плачевный исход шляхетской польской республики, доказал им невозможность существования государства без правительства. Отсутствие правительства порождает анархию, а анархия ведет к разрушению самого государства, т. е. к порабощению края чужим государством, как это было с несчастною Польшею, или к совершенному освобождению чернорабочего люда и к уничтожению сословий, как это будет, надеемся, скоро в целой Европе.

Для возможного уменьшения сословного зла, творимого непременно всяким правительством, государственные сословия придумали разные конституционные порядки и формы, которые обрекли ныне существующие европейские государства на беспрестанное колебание между сословной анархией и правительственным деспотизмом и которые до такой степени расшатали государственное здание, что даже мы, старики, можем надеяться быть еще свидетелями и помощниками его окончательного разрушения. Но нет сомнения, что, когда время разгрома наступит, огромное большинство людей, принадлежащих к государственным сословиям, как бы им ни были ненавистны существующие правительства, сплотятся вокруг них и будут защищать их против разъяренного чернорабочего люда, дабы спасти государство, спасти краеугольный камень своего сословного существования.

Почему ж правительство так необходимо для сохранения государства? Потому, что никакое государство без постоянного заговора существовать не может, заговора, направленного, разумеется, против народных чернорабочих масс, ради порабощения и правильного обирания которых существуют решительно все государства; и в каждом государстве правительство — не что иное, как заговор постоянный меньшинства против обираемого и порабощаемого им большинства. Из самого существа государства выходит ясно, что не было и не может быть такого государственного устройства, которое не было бы совершенно противно интересам народным и к которому вследствие того народные массы не питали бы, сознательно или бессознательно, глубокой ненависти. При большой неразвитости масс случается, что они не только что не восстают против самого государства, но даже относятся

к нему как будто бы с уважением, с любовью, ожидая от него возмездия, правды, и кажутся поэтому преисполненными патриотических чувств. Но взгляните хорошенько в действительные отношения любого и даже самого патриотического народа к своему государству и вы увидите, что они любят и чтят в нем только идеальное представление, отнюдь же не его настоящие проявления. Его действительность, его настоящую суть, поскольку она приходит в действительное соприкосновение с народом, народ ненавидит всегда и всегда готов разрушить ее, если только его не удерживает организованная правительственная сила.

Мы видели, что чем более эксплуатирующее или сословное меньшинство умножается в государстве, тем менее оно становится способным к непосредственному управлению государственными делами. Многосторонность и разнородность интересов сословных порождают разногласие, а разногласие в свою очередь вызывает беспорядок, анархию, расслабление государственного строя, необходимого для удержания обираемого народа в должном повиновении. Поэтому сама выгода всех сословий без исключения требует непременно, чтоб из среды их выработалось еще более тесное, правительственное меньшинство, способное вследствие относительной малочисленности своей сговориться между собою, организовать и организовать в пользу сословий и против народа государственные силы.

Всякое правительство имеет двойную цель: одну главную и громко признаваемую — сохранение и усиление государства, цивилизации и порядка гражданского, т. е. систематического и узаконенного преобладания сословий над эксплуатируемым ими народом. Другую, в глазах самого правительства чуть ли не столь же важную, хотя и не так охотно признаваемую целью, — сохранение своих, тесно правительственных преимуществ и своего личного состава. Первая цель относится к благу общесословному, вторая же относится только до честолюбия и до исключительных выгод правительственных лиц. Первою целью правительство ставится во враждебное отношение только к народу; вторую ж и к народу, и к сословиям вместе, и даже бывают в истории моменты, когда для достижения ее оно как бы становится к сословиям еще враждебнее, чем к самому народу. Это случается, именно когда сословия, недовольные им, стараются его свергнуть или уменьшить его власть. Тогда чувство самосохранения заставляет правительство забывать иногда свою главную цель, составляющую весь смысл его существования: сохранение государства или сословного преобладания и блага против народного бунта. Но такие моменты долго продолжаться не могут, потому что правительству, какое бы оно ни было, так же невозможно существовать без сословий, как и сословиям без правительства. За неимением другого оно создает сословие бюрократическое, подобное нашему дворянству в России.

Вся правительственная задача состоит единственно в следующем: как наименьшими и наилучше организованными средствами и силами, взятыми у народа, держать этот народ в повиновении или гражданском порядке и в одно и то же время как, с одной стороны, предохранить независимость не говорю, народа, о котором здесь и речи не может быть, но своего государства против честолюбивых замыслов соседних держав, а с другой стороны, как увеличить свои владения в ущерб тем же самым державам. Одним словом, война внутри, война внаружу — вот жизнь правительства. Оно должно быть вооружено и на чеку беспрестанно против врагов внутренних и внешних. Дыша само притеснением и обманом,

оно должно смотреть на всех внутри и внаруже как на врагов и должно быть против всех в заговоре.

Впрочем, вражда государств и заправляющих ими правительств между собою никак не может сравниться с враждою каждого из них к своему чернорабочему народу; и точно так же как два сословия, борющиеся между собою, готовы позабыть самую непримиримую вражду ввиду восстания чернорабочего люда, точно так же два государства и правительства, воюющие друг против друга, готовы будут помириться, лишь только в одном из них подымется социальная революция. Главный и самый существенный вопрос, равно для всех правительств, государств и сословий, в той или другой форме и под каким бы то ни было предлогом или названием — это покорение и содержание в рабстве народа, потому что это вопрос жизни и смерти для всего, что называется ныне цивилизацией или гражданственностью.

Для достижения таковой цели правительствам все позволено. Что в частной жизни называется гнусностью, подлостью, преступлением, то для правительства становится доблестью, добродетелью, долгом. Макиавелли был тысячу раз прав, утверждая, что существование, преуспевание и сила всякого государства — монархического или республиканского все равно — должно быть основано на преступлении. Жизнь каждого правительства есть по необходимости непрерывный ряд подлостей, гнусностей и преступлений против всех чужеземных народов, а также, и главным образом, против своего собственного чернорабочего люда, есть нескончаемый заговор против благосостояния народа и против свободы его.

Правительственная наука выработалась и усовершенствовалась веками. Я не думаю, чтоб кто-нибудь мог упрекнуть меня в преувеличении, если я назову ее наукою высшего государственного мошенничества, добытого посреди постоянной борьбы опытом всех государств, прошедших и настоящих. Это наука о том, как грабить народ наименее для него чувствительным образом, так, чтоб не оставить у него ничего лишнего, потому что всякое лишнее богатство дало бы ему лишнюю силу, но вместе с тем так, чтоб и не отнять у него последнего, необходимого для его паскудной жизни и для дальнейшего производства богатств*; наука о том, как брать из народной среды солдат и, организовав их посредством искусственной дисциплины, как создавать войско, эту главную государственную, народопротивную и народоукротительную силу; как умным и целесообразным распределением нескольких десятков тысяч солдат по главнейшим пунктам известного края держать в страхе и повиновении миллионы людей; наука о том, как покрывать целые страны мельчайшею бюрократической сетью и как рядом бюрократических порядков, узаконений и мер опутать, разъединить и обессилить народные массы так, чтоб они не могли ни сговориться, ни соединиться, ни двинуться, чтоб они всегда оставались в относительном, спасительном для правительства, для государства и для сословий невежестве и чтоб к ним не могли подойти ни мысль новая, ни живой человек.

- Мы должны быть благодарны нашему правительству за то, что оно соблюдает так плохо это благоразумное правило.

Вот единственная цель всякой правительственной организации, правительственного постоянного заговора против народа. И этот заговор, признаваемый всеми законным и не дающий себе даже труда скрывать свои действия, ни даже от себя отпираться, обнимает внаружу всю дипломатию, внутри всю администрацию: военную, гражданскую, полицейскую, судебную, финансовую, просветительную и церковную.

И против такой громадной организации, вооруженной решительно всеми возможными средствами, умственными и материальными, законными и незаконными, и в крайнем случае всегда могущей рассчитывать на единодушное содействие всех или почти всех государственных сословий, должен бороться бедный народ, правда, сравнительно бесчисленный, но безоружный, невежественный и лишенный всякой организации! Возможна ли победа? Возможна ли только борьба?

Нет дела до того, что народ проснулся, что он сознал, наконец, свою беду и причину своей беды. Сознания мало, надо силы. Правда, силы стихийной в народе достаточно, несравненно более, чем в самом правительстве, взятом вместе со всеми сословиями; но сила стихийная, лишенная организации не есть настоящая сила. Она не в состоянии выдержать долгой борьбы против силы гораздо слабейшей, но хорошо организованной. На этом неоспоримом преимуществе силы организованной над стихийной силой народа основано все государственное могущество.

Поэтому первое условие народной победы — это народный сговор или организация народных сил.

Эта организация совершается ныне в Европе посредством Интернациональной ассоциации рабочих. Посмотрим, каким образом она может совершиться в России?

Учение революционных доктринеров и позитивистов, в ряды которых перешли ныне самые способные и ученые доктринеры, основывается главным образом на следующих трех положениях:

1. Всякий народ имеет то правительство, которое он по настоящей степени своего образования может иметь.
2. Всякое правительство есть прямое выражение суммы или, вернее, комбинации народных потребностей.
3. Всякое правительство есть продукт равновесия, установившегося между разнородными общественными силами.

Изо всего этого доктринеры выводят, что пока в данной стране не изменится: степень образования, направление народных потребностей и равновесие общественных сил, до тех пор правительство изменено быть не может.

Насчет первого положения я замечу, что выражение «образование народное» полно двусмысленности. О каком образовании здесь идет речь? О книжном или об исторически опытном? Если только о книжном, то не следует говорить об образовании народном, должно говорить об образовании сословном. Книжное образование народных масс во всех ныне существующих государствах Европы и даже в Соединенных Штатах ничтожно. Не говоря об

Италии, Испании, европейской Турции, Венгрии, Австрии, Польше и России, даже в Англии и Франции огромная часть народонаселения не умеет ни читать, ни писать. В Германии северной и южной значительная часть народонаселения пишет, читает, знает катехизис и умеет считать; в Швейцарии, а тем паче в Соединенных Штатах Америки к этому присоединяется еще легкая перечень самых главных исторических и географических фактов да катехизис республиканский. Теперь спрашиваю, можно ли сказать, чтоб, например, германское народонаселение в отношении к политическому развитию стояло выше французского и английского? Решительно нет. Напротив, замечено, что за исключением тех сотен тысяч немецких крестьян и работников, которые переселились в Америку и которые вследствие этой перемены почвы и среды как будто бы получили новое вдохновение и направление, германский народ при всей своей относительной грамотности имеет гораздо менее политического развития и смысла, чем безграмотные французский и великобританский народы.

И, наконец, неужели же механическое умение читать, писать и считать вместе с знанием дурацкого и развратного катехизиса составляют образование действительное, такое, о котором стоило бы говорить? Сравните это бедное знание с той суммой знания, которое требуется ныне от всякого сколько-нибудь образованного человека в высших кругах, и вы скажете, что народное знание даже в самых передовых странах мира равно нулю. С точки зрения книжного знания, самый умный человек из народа окажется дураком перед первым молокососом, вышедшим из университета, перед всяким образованным дураком. Поэтому, кто ставит меркою для политической способности народа степень его грамотного образования, тот непременно должен прийти к тому убеждению, что ни один народ в мире не в состоянии еще управляться сам собою и что он должен быть управляемым образованными сословиями. А так как никакое правительство в мире и ни одно из государственных сословий не имеет ни охоты, ни времени заняться серьезным образованием народа; так как они имеют, напротив, много причин его не желать, потому что народное образование, с этой точки зрения, имело бы непременно результатом упразднение их власти; и наконец, так как сам народ по роду своих занятий и по всему настоящему положению своему решительно не имеет ни средств, ни времени, ни даже охоты к приобретению книжной науки, последнее заключение будет то, что народные массы никогда не освободятся из-под сословной опеки, что и следовало доказать с точки зрения книжного доктринерства.

Пойдем далее; если уж делать книжное образование мерилом для способности управления, то мы дойдем до странного результата. Если взять вместе все так называемые образованные сословия, много ли найдется в них людей действительно образованных, т. е. думавших о том и серьезно знающих и понявших то, чему их учили? Огромное большинство состоит из болтающих попугаев, из китайских мандаринов по экзамену. Неужели ж такая наука составляет прогресс, дает ум и право на управление? Останется поэтому в целой Европе много-много несколько сотен людей, способных заправлять целым миром! Но, во-первых, сословно-образованные дураки их до того не допустят, а если б и допустили, то они сами сделались бы в самое скорое время такими же дураками, потому что всякая власть исключительная, а тем паче власть, основанная на ученом дипломе, имеет то неперенное свойство, что она добрых людей делает скотами, умных — дураками.

Да, если б книжное образование народа было непременно условием его освобождения, то все народы без исключения были бы обречены на безвыходное и нескончаемое рабство: они оставались бы в невежестве вследствие своего рабства и оставались бы в рабстве вследствие своего невежества.

Но, к счастью, народы образуются и развиваются, как мы видели, не столько книжною, сколько исторически опытною наукою, многовековою жизнью и испытаниями жизни. Если принять слово «народное образование» в этом смысле, то я буду совершенно согласен с первым положением господ доктринеров. Только отпавляясь от этого положения в этом смысле, вряд ли мы дойдем до тех результатов, к которым они инстинктивно стремятся, а именно к преобладанию доктрины, науки над жизнью; к преобладанию ученой интеллигенции над обществом.

Да, в самом деле, от степени исторически опытного образования народа зависит его способность к разумному освобождению. Народ, который совсем еще не жил исторически, который стоит, например, на степени людоедства, ничего не понял бы, если б вы стали ему говорить о солидарности всех чернорабочих тружеников на земле, о необходимости свергнуть иго собственности и капитала, о необходимости разрушения всех государств и сословно-государственной цивилизации. Разумеется, если вы станете говорить теми же словами с умным, но безграмотным человеком из народа во Франции, в Англии, в Германии, он точно так же вас не поймет. Но скажите ему то же самое, но в менее отвлеченных выражениях, простыми словами, относящимися до его ежедневной практики, и он вас поймет непременно, и пожалуй, далее поймет глубже, живее, цельнее, чем вы понимаете сами. Он вас поймет потому, что все эти кажущиеся отвлеченности прямо относятся к его страстям, исторически выработавшимся в нем инстинктом, находят тысячу подтверждений в его историческом и ежедневном опыте, дают ответ на самые мучительные запросы его ума и его сердца, обещают конец его бедам, его обидам, его страданиям, соответствуют, наконец, образовавшимся в нем представлениям о справедливости и о настоящем порядке. Дайте себе труд поговорить с ним серьезно, помогите ему, сколько надо и не больше как надо, формулировать его же собственные, глубокие и насущные инстинкты, запросы и требования, и вы увидите, что он серьезнее и глубже социалист, чем вы сами. Ежедневный опыт меня убедил, что в этом отношении народные массы, не испорченные мещанским образованием и не развращенные мещанскими интересами, стоят не позади, а впереди всех образованных сословий.

Я это говорю положительно не только в отношении к работникам французским, английским, германским, но без исключения в отношении ко всему европейскому чернорабочему люду и никак уже не исключая нашего умного русского мужика, этого урожденного социалиста.

Что ж из этого следует? Следует только то, что первое положение наших умников-доктринеров сводится на второе, а именно, что степень действительного, т. е. исторически опытного образования всякого народа действительным образом проявляется в высказываемых им потребностях.

Второе положение гласит, что всякое правительство есть прямое выражение суммы или комбинации народных потребностей.

Это положение дает повод к еще большим недоразумениям, чем первое. Что разумеют под словом: народные потребности? Сумму ли потребностей всех жителей государства без всякого различия сословий и положения? Да разве это возможно? Разве мы не видели и не знаем, что всегда и везде потребности чернорабочего люда находятся в прямом противуречии с потребностями государственных сословий; а если посмотрим поближе, то найдем, что между потребностями и стремлениями и самих сословий существует немало противуречий. Но мы оставим второстепенные различия в стороне и остановимся на существенной и непримиримой розни, открывающей пропасть между стремлениями государственных классов и нуждою народною. Каким образом может правительство соответствовать в одно и то же время и этой нужде, и этим стремлениям примирить непримиримое? Нужно ли доказывать, что интересы народа и интересы сословий непримиримы? Стоит только взглянуть на то, что происходит ныне в Европе, чтобы убедиться в этом. Примирите, прошу вас, интересы работников и работы с интересами собственников и капитала. Разве последние не основаны именно и совсем исключительно на возможности жить чужою работою, кабалить чужую работу, т. е. на фактическом рабстве работников?

Та же самая непримиримость в России. Попробуйте примирить мужика с помещиком, с обдирающим его кулаком или купцом, работника с фабрикантом, раскольника с попом, всех вместе с чиновником, обдирающим его ради государственного блага и ради своего собственного кармана, и с самим государством, забивающим его в грязь и заедающим его до конца. Да что ж такое, наконец, вся внутренняя русская история, как не бунт нескончаемый чернорабочего люда против государства и всех сословий? Как же говорить об однородных потребностях? Говорите, пожалуй, о потребностях сословных, для удовлетворения которых государство искони жертвовало и жертвует до сих пор жизнью, правом и первыми нуждами народа, и заключите вместе с здоровою логикою и историею, что все государства и все правительства без исключения, а по преимуществу наше Всероссийское государство, наше отеческое правительство — вернейшее выражение сословных потребностей в ущерб и наперекор всем народным стремлениям, нуждам и потребностям.

Но этим самым второе положение доктринеров сводится на их третье и последнее положение, которое гласит: что «всякое правительство есть продукт равновесия, установившегося между разнородными общественными силами».

Да, с этим положением я совершенно согласен и на основании его зову на борьбу и надеюсь побить всех доктринерствующих революционеров. Для лучшего определения поля битвы ограничусь по возможности примерами и доказательствами из русской истории и из русской действительности.

Приступая к оценке разнородных общественных сил, на которых зиждется могущество нашего правительства, мы должны прежде всего рассмотреть и решить весьма важный вопрос:

Кто прав?

Те ли, которые утверждают, что между народом и правительством нашим нет ничего общего и что их взаимные отношения ограничиваются непримиримой ненавистью, с одной стороны, неумолимым притеснением, с другой?

Или те, которые утверждают, напротив, что в нашем народе всегда существовали и хранятся еще слепая вера в правительство и чуть ли не боготворящая любовь к царю и к царскому дому; ненависть же его обращена исключительно против дворянства, помещиков и против непосредственных исполнителей правительственных распоряжений и царской воли?

Или, наконец, те, которые, придерживаясь среднего мнения, хотя и не верят в чрезмерную привязанность народа к царю и еще менее к правительству и признают в некоторой степени, что народ относится скорей недоверчиво ко всему, что делает и предпринимает последнее, думают, однако, что он, вследствие ли исторической привычки, или вследствие того, что народ в своей беде не видит для себя никакого другого исхода, все-таки ждет для себя помощи и спасения только от правительства, только от самодержавной воли царя?

Если первые правы, то бунт всенародный рано или поздно необходим. Если правы вторые, он решительно невозможен. Если, наконец, справедливо третье мнение, он, пожалуй, и не невозможен, но весьма сомнителен.

Оставив пока вопрос об отношении народа к царю в стороне, мне кажется, что нет ни малейшей возможности сомневаться в глубокой и непримиримой ненависти народа к правительству, ко всему официальному миру и ко всему вообще, что выражает и представляет у нас государство, значит, к самому государству.

Да ведь и не может быть иначе. Кто ж знающий сколько-нибудь русскую историю и русскую действительность не видит, что от самого основания Московского государства по самое нынешнее время народ, народное право, народная воля и благосостояние, да самая жизнь народа были постоянною жертвою государства? Кто отдал народную землю дворянам? — Государство. Кто отдал самих крестьян в рабство тем же самым дворянам? — Государство. Кто карал жесточайшими казнями долготерпеливых и многотерпеливых крестьян, когда, выведенные, наконец, из всякой возможности терпения блудным и свирепым неистовством своих бар, они против них восставали? — Опять-таки государство. Кто разоряет народ рекрутчиной, податными сборами и воровским управлением? Кто опутал и парализирует малейшие движения его посредством самой нахальной, безжалостной и притеснительной бюрократии в мире? Кто бесцеремонно жертвовал и продолжает жертвовать десятками и сотнями тысяч людей для достижения так называемых государственных целей? — Все то же государство. Кто попрали обычаи и свободную веру народа, кто оскорбляет его во всем его существе? — Государство. Для кого всякое право народа равно нулю, а жизнь его не стоит копейки? — Для государства.

Возможно ли после этого, чтоб народ не ненавидел государства, не ненавидел правительства? Нет, невозможно.

Но, скажут, наш народ похож именно на ту собаку, которая кусает палку, а не человека, бьющего ее палкою; он, пожалуй, ненавидит всех мелких и средних чиновников, непосредственных исполнителей мер правительственных, но вместе с тем питает если не любовь, то суеверное почтение, смешанное с страхом, ко всем высшим духовным, гражданским и военным сановникам, представляющим в его глазах самого государя, и вообще ко всему высшему правительству.

Такое рассуждение нелепо, противно всем фактам. Правда, что когда вышел указ о мнимом освобождении крестьян и когда он был прочитан народу на площадях и в церквях, во всех городах и селах империи, когда на: род так долго, так жадно ждавший свободы, увидел обман и сначала подумал, что это не может быть настоящий царский указ с золотою строкою и под золотою печатью, а должен быть указ, сочиненный и подмененный дворянством и преданным ему чиновничеством; правда, что тогда в многих местах мужики ждали, что вот приедет к ним генерал или другой сановник прямо от государя с настоящим царским указом и объявит им от имени государя настоящую волю. Но что ж из этого следует? Это не значит отнюдь, что мужики верили в сановников и генералов; они глядели на них только как на царских курьеров, везущих указ, и несдобровало бы этим сановникам и генералам, если б в момент разочарования народного они не нашли бы охраны против народного негодования в солдатских штыках и пулях.

Русский народ имеет вообще о высшем правительстве какое-то смутное и совсем невыгодное для него представление. Он видит в нем собрание знатных и вороватых дворян, опутавших волю царскую и направляющих ее против него в свою пользу. Со времени основания Московского государства народ ненавидит дворянское управление: «А против бояр,—писали друг к другу волости и области в смутные времена Лжедмитриев,— мы будем стоять вместе». С тех пор отношение народа к боярам и к высшему правительству отнюдь не переменилось. Народ не уважает правительство, но, разумеется, боится его: да и нельзя ему его не бояться. Ведь до сих пор вся сила, рукоятка кнута в руках правительства, как же ему не бояться кнута! Но дайте только народу веру в его собственную силу, покажите ему только возможность вырвать кнут, вырвать силу из рук правительства, и вы увидите, как мало он уважает правительство.

Но, скажут, русский народ чрезвычайно религиозен, а церковь и духовенство, к которым он традиционно привязан, стоят, несомненно, на стороне правительства и связывают с ним народ. Тут что ни положение, то ложь. Во-первых, далеко не доказано, чтоб все духовенство было на стороне правительства. Но мы об этом поговорим ниже, когда станем перебирать все сословия. Во-вторых, решительно несправедливо, чтоб народ питал какую бы то ни было привязанность к государственной церкви и хоть малейшее уважение к православному духовенству. Все это опровергается и чрезвычайным развитием раскола в России, и несомненным презрением народа к попам; и, наконец, — несправедливо, чтоб наш народ был -религиозный народ. Напротив, кто сколько-нибудь знает Россию, должен был убедиться, что изо всех европейских народов наименее религиозен именно наш великорусский народ.

Несомненно, что если духовенство будет говорить вещи для народа приятные, народ будет охотно слушать его, но также несомненно и то, что когда духовенство говорит в духе

правительственном, чиновничьем и дворянском, в духе противународном, народ его ненавидит и, когда чувствует себя в силе, так же готов его истреблять, как истребляли его Степан Тимофеевич Разин и Емельян Пугачев.

Наконец, пожалуй, скажут еще: народ, правда, ненавидел правительство до восшествия на престол Александра Николаевича, но эта ненависть превратилась в любовь с тех пор, «когда по воле царя-освободителя зажглась заря свободы для миллионов безответных тружеников и новая пугачевщина сделалась невозможною»*.

* Смотри статью «Граф Панин» в майской книжке Русского Вестника.

Такие отвратительные фразы можно только писать в русских официальных или подкупленных журналах. Нужно иметь медный лоб, чтоб повторять их в то самое время, когда положение народа в России, именно вследствие лживого освобождения, стало невыносимым, когда разоренный дотла, принужденный платить вдвое или даже втрое дороже за землю, которую ему навязали и к которой его приковали, задавленный вдвое против прежнего податями государственными и земскими, ограбленный и соседом-помещиком, и кулаком, и купцом, и мировым посредником, и полицией, продающею все его имущество до последней коровы и до последней подушки для покрытия его недоимок, когда подверженный, наконец, к военным экзекуциям и розгам за то только, что он смеет отказываться от земли, которую ему так милостиво, втрое дороже, подарили, когда он, говоря я, на всем пространстве России умирает с голоду и бежит в леса!

Ныне, более чем когда-нибудь, народ ненавидит правительство. Скажу более, эта ненависть начинает простирается и на самого царя.

Да, долго возился этот несчастный русский народ с идеею царя, и дорого, мучением многовековым поплатился он за свою веру в нее. Вот что я писал об этом предмете в 1862 году, прежде польского восстания и немедленно после первых пожаров, когда политика Александра II еще не успела обрисоваться вполне*.

- Смотри брошюру мою: Народное дело — Романов, Пугачев или Пестель? Теперь я не написал бы ее. Многие с тех пор объяснилось, и многому я успел с тех пор научиться.

«Русский народ, по преимуществу, реальный народ. Ему и утешение-то надо земное; земной бог-царь, лицо, впрочем, довольно идеальное, хотя и облеченное в плоть и в человеческий образ и заключающее в себе самую злую иронию против царя действительного. Царь, идеал русского народа,— это род земного Христа, отец и кормилец народа, весь проникнутый мыслью о его благе и любовью к нему. Он бы давно дал народу все, что нужно ему: и волю и землю. Да он сам, бедный, в неволе: лиходеи-бояре да злое чиновничество вяжут его. Но вот наступит время, когда он воспрянет и, позвав народ свой на помощь, истребит и дворян, и попов, и всякое другое начальство, и тогда наступит в России пора золотой воли. Вот чего народ ждет от царя... Ведь он более двухсот лет, проведенных в неизъяснимых муках, ждет от царского слова спасения; и теперь, когда все надежды, все ожидания его оживились предварительным обещанием царя, согласится ли он ждать еще долее? — Не думаю».

С тех пор прошло семь лет. И, надо отдать справедливость Александру Николаевичу, он много, много постарался и поработал для того, чтоб разоблачить и представить во всей ее отвратительной наготе самую идею государства и по преимуществу Всероссийского государства, а главное для того, чтоб убить в самом народе эту несчастную веру в царя.

Да, было время, когда слово царя могло быть всеильно в народе. В продолжение целых четырех лет, от смерти Николая до обнародования шулерского манифеста об освобождении, Александр II был идолом, да, действительно, можно сказать, Христом народным. В нем собрал и сосредоточил народ всю историческую фантазию свою о царе-избавителе. Положение великолепное, в истории почти беспримерное, но вместе с тем и в высшей степени опасное. Императору Александру надо было сделать много, очень много для народа, для того, чтоб не упасть самым позорным образом с высоты, на которую поставили его народная вера и народное упование... Ну, и он бухнулся, сказать нечего, бухнулся так, что и сам более подняться не может, да и самую идею царя разбил, будем надеяться, навсегда, в сердце народном.

Если б я писал для иностранцев, я рассказал бы им, как рядом точно как будто нарочно придуманных, народоненавистных и народопугубных мер, предписаний и действий император Александр II, точно как бы подвигаемый тайным революционным замыслом и желанием вырвать с корнем из народного сердца веру в царя, как он добился-таки, наконец, того, что народ, который даже и после указа 19-го февраля оставался еще долго в сомнении, приписывая все царские злодейства исполнителям царским, стал, наконец, понимать, что главная причина всех его бедствий сам царь, да, наконец, начинает ненавидеть его. Для соотечественников моих, живущих в России, такой рассказ не нужен. Они были и остаются свидетелями царских злодейств и разочарования народного.

Лицо императора Александра II для нас теперь священно и дорого, и мы вместе с православною церковью готовы петь ему многолетие. Как прежде сосредоточивалась на нем вся любовь и вся вера народная, так точно собирается ныне против него вся ненависть того же самого, глубоко разочарованного и им же самим до отчаяния доведенного народа... Пусть лее хранит его Всевышний до времени, и пусть же продолжает он так же ревностно, как и прежде, служить революционному делу по-своему.

Но, скажут: что если царь вдруг изменит систему правления и, начав царствовать в духе народном, рядом мер и указов даст полное удовлетворение всем главным потребностям и нуждам народа, разве народ будет тогда его ненавидеть? Нет, не будет: можно даже сказать наверное, что народ простил бы ему все прошедшее и, приписав ему по-прежнему все совершенные им злодеяния изменникам, продавшимся дворянству, стал бы любить царя пуще прежнего. В народе нашем, к несчастью, еще немного политического смысла и нет еще ясного понятия о политической свободе. Он требует теперь только широкой и полной свободы в жизни; а что ему до того, будет ли эта свободная жизнь с императором или без императора!

В таком случае, ответят мне, что ж мешает Александру Николаевичу переменить систему управления и можете ли вы быть уверены, что он не переменит ее? А если не переменит он, то переменит наследник.

В том-то и дело, что ни наследник, ни он тут ничего переменить не могут. Они не могут отступить от существующей системы ни на один шаг, не разрушив самого государства. Они могут, правда, наобещать и в известной мере даже осуществить еще много реформ, могут в крайнем случае даже дать дворяно-купеческую конституцию, парламент на наполеоновский или даже на бисмарковский манер... Но они ничего не могут сделать для народа.

Что нужно народу? На это Колокол в 1862 году отвечал, и отвечал превосходно; «Народу нужна земля и воля!». Больше ничего. Но посмотрим, что заключается в этих словах. Народу нужна земля, вся земля, значит, надо разорить, ограбить и уничтожить дворянство, и теперь уже не только одно дворянство, но и ту довольно значительную часть купечества и кулаков из народа, которые, пользуясь новыми льготами, в свою очередь, стали помещиками, столь же ненавистными и чуть ли еще не более притеснительными для народа, чем помещики стародавние.

Народу нужна воля, настоящая, полная воля, значит, надо уничтожить чиновничество и все войско. Значит, надо уничтожить государство, а без государства и государь невозможен; из чего заключить должно, что для того, чтобы сделать что-нибудь серьезное и удовлетворительное для народа, император и вся династия его должны бы были, вместе со всем государством, отправиться к черту.

Ну, к такому подвигу они неспособны, и потому чем дольше они царствовать будут, тем сильнее и глубже будет против них накапливаться народная ненависть, и будет она до тех пор накапливаться, пока не произведет всенародного и всеразрушительного взрыва.

Но способен ли русский народ к революции? Кажется, в этом сомневаться нельзя. Со времени Лжедмитрия по настоящее время ведь у нас был только один неизменный бунтовщик против государства — это крестьянский народ и городские мещане. Декабрьский бунт составляет лишь одно исключение, в высшей степени доблестное, но вместе с тем, с точки зрения народной, и бесплодное, так как он был гораздо более продуктом иностранных влияний, чем жизни народной. После него не было и не будет дворянских движений. Народ же никогда не переставал бунтовать. Бунтовал он победоносными массами два раза: один раз под Стенькою, другой раз под Пугачевым. Сначала бил войска государские, потом был разбиваем ими, потому что не было в нем никакой организации. Разбитый в последний раз в царствование Екатерины П-ой, он не переставал заявлять свой протест против государственно-сословного гнета, против всех представителей государства, значит, против самого государства рядом ежегодных частных бунтов, всегда укрощаемых и возобновляющихся то в той, то в другой форме беспрестанно. Следовательно, вопрос не в способности его бунтовать, а в способности создать организацию, которая могла бы доставить его бунту победу, и не случайную только, а продолжительную и окончательную. В этом именно и, можно сказать, исключительно сосредоточивается весь наш насущный вопрос.

Я, разумеется, к нему возвращусь. Но прежде рассмотрим те силы, с которыми придется бороться народному бунту.

Между сословиями, эксплуатирующими русский народ, на первом плане стоит, разумеется, дворянство. Сословие историческое, почтенное. О добродетели его надо справиться у люда

мужицкого; о честности, независимости характера и благородстве чувств — у правительства, о гражданской доблести его говорит вся история. Был у меня один знакомый приказчик, человек дельный и умный, сам из крепостного сословия, который, будучи еще крепостным, заправлял всем имением барина и самим барином. Он говаривал: «Как посмотрю я на всех дворян, какое это блудное сословие!» Да, именно блудное! Трудно найти другое, которое бы в такой же степени соединяло в себе спесь с унижением, бестолковость с умничаньем, ветреность с сухим эгоизмом, хвастовство с трусостью, татарское зверство с либеральничанием европейским, которое было бы, одним словом, так ничтожно перед всякою властью и в то же время так высокомерно жестоко в отношении к народу, до тех пор, разумеется, пока народ, выведенный из терпения, сам не выкажет своей силы.

Кольб считает в России около 880000 дворян обоих полов, наследственных и личных. Значительная часть между ними принадлежит собственно к бюрократическому и к офицерскому миру. Помещиков же считается не более 120 000 человек мужского пола. Из них, по старому распределению, никак уж не более 4000 людей, имевших от 500 до 1000 и более крепостных душ, не более 1000 людей богатых или весьма достаточных. Дворянство среднее, жившее до указа об освобождении в довольстве благодаря крепостному труду, ныне разорено, на две трети оно не включает в себе даже 20000 человек. Остальные 96000 были бедны всегда и теперь живут в нищете. Образование их совсем ничтожно, протекции нет никакой, в службу доступа нет, так что нередко случается, что бывшие господа продают себя ныне крестьянам для заступления места детей их в рекрутской повинности — отдают себя сами за деньги в солдаты.

Из 440 000 дворян наследственных и личных мужского пола большая половина (около 250000 душ) находится ныне в самом отчаянном и безвыходном положении. Со времени упразднения крепостного права между ними и государством не осталось ни одного общего интереса, так что сила вещей с каждым годом тянет их все более и более в наш лагерь. Появись новый Стенька Разин, одинокий или коллективный, немногие между ними пойдут против него, зато множество пристанет к нему.

Около 120000 принадлежат к мелкой бюрократии и к мелкому офицерству, живут службою: военные — одним паскудным жалованьем; гражданские — жалованьем с значительною примесью казнокрадства и народообкрадывания. Я возвращусь к ним, когда буду говорить о бюрократии и о войске.

Около 50000 или 60000 принадлежат, собственно, к тому, что в настоящее время можно назвать средним дворянством. Это сословие людей полуразоренных, но еще не вполне разоренных и ведущих борьбу отчаянную против невозможности помещичьего хозяйства при настоящих условиях. Половина из них живет в имениях и хозяйничает с грехом пополам. Другая и несомненно большая половина служит казне или по частным делам; иные занимаются науками и литературою. Получив университетское или военное образование, они придерживаются более или менее доктринерского либерализма или книжного социализма, и только весьма немногие между ними способны отдаться искренно и всецело революционному делу. Довольно значительное меньшинство образованных дворян принадлежит зато к партии плантаторов.

Над ними возвышаются еще от пяти до семи, много до десяти тысяч самых богатых и самых изящных дворян, совсем не разорившихся или разорившихся мало. Они сохранили, впрочем, свое состояние отнюдь не благодаря хозяйственному уму и деятельности, а совсем по другим причинам. Во-первых, потому, что значительность их состояния и ширина их владений позволили им выдержать лучше других кризис, воследовавший для всех помещиков после указа 19-го февраля; а во-вторых, и главным образом потому, что занимая первые и самые выгодные места в государственной службе и при дворе, ворюя не десятками, не сотнями и не тысячами, а десятками и сотнями тысяч, иногда даже миллионами, они естественным образом могли себя удержать на прежней экономической высоте и даже над ней возвыситься, несмотря на всю бестолковую расточительность, свойственную им как русским дворянам.

Эта незначительная кучка людей составляет нашу аристократию, нашу высшую государственную и придворную сволочь. В ней скот погоняет скота, и встреча с сколько-нибудь порядочным человеком в этом мире — явление самое исключительное. В нем сосредоточилась и развилась до самых уродливых размеров вся наследственная пустота, свирепость и подлость храброго русского дворянства.

Образование этих аристократов-лакеев ничтожно, гораздо ниже образования среднего дворянского класса. Им некогда читать и учиться. Все время их проходит в прислуживании и в грязных интригах. Разумеется, что они принадлежат почти все к категории самых ярых и свирепых государственников-реакционеров. Все они Муравьевы, Мезенцовы, Шуваловы, Потаповы, Тимашевы, Треповы... если еще не в действительности, то в желании и в готовности, и, несмотря на их несомненное зверство, несмотря на всю их готовность проглотить всякого и погубить целый народ в угоду государю, а главное, в угоду своим собственным интересам, все-таки в них нет никакой собственной силы, нет именно силы сословной. Они хамы, а хамство никогда и нигде еще не умело сплотиться. Они подлые трусы, живущие только силою и карманом своего царственного барина, и достаточно будет этому барину претерпеть первое поражение, для того чтоб они попрятались все по углам.

Гораздо серьезнее среднее дворянство, и если б в русском дворянстве была хоть какая-нибудь сила, ее бы следовало искать в нем. Но напрасно будем искать, ее нет.

Либерализм дворянский бессилен, у него решительно нет никакой точки опоры в России. В героическом периоде своего развития, во времена Декабристов, он создал, правда, целую кучку людей высокодобротных, самоотверженных и энергических, людей, которые, не удовлетворяясь мечтою, страстно верили в дело, умели решиться на самоотверженное, высокое дело, которые сделали решительно все, что в их положении было возможно сделать, и которые все-таки не могли создать силы. Неорганизованная, но громадная сила была в народе. Вся организованная сила со стороны правительства. Декабристы стояли между правительством и народом, пошли против первого, не соединившись с другим и не имея сами никакой другой силы, кроме силы своих убеждений. Они погибли.

Декабристы с самого начала и до самого трагического исхода своего доблестного предприятия были обреченные жертвы. Дело их, как всякое честное дело, порожаемое святою любовью к человечеству и свободе, их дело принесло плод несомненный, бросив в

будущие поколения семена освобождения. Но сами они должны были погибнуть.

После Декабристов героический либерализм образованных дворян переродился в либерализм книжный, в доктринаризм более или менее ученый, вследствие чего он стал, разумеется, еще бессильнее: слово стало подвигом, резонерство — умом, пустословие — красноречием, многочитание — делом. О настоящем деле забыли, мало того, стали его презирать и с высоты метафизического самоудовлетворения стали смотреть на все революционные помышления, на все попытки смелого публичного протеста как на проявления ребяческого фанфаронства. Я говорю об этом знаемо, потому что в тридцатых годах, увлеченный гегельянизмом, сам участвовал в этом грехе.

В тридцатых годах под гнетом николаевского управления впервые появилось в России учение объективистов, объясняющее все исторические факты логической необходимостью, исключаящую из истории участие личного подвига и признающую в ней только одну действительную, неотвратимую и всемогущую силу — самопроявление объективного разума; учение весьма удобное для тех, которые, боясь делать, должны извинить перед всеми и перед собою свое постыдное бездействие.

Объективное учение продолжает и ныне развращать большую часть нашего образованного молодого дворянства. Сущность его осталась та же; изменилась только научная обстановка и терминология. В мое время все объяснялось, по Гегелю, самопроявлением или самоосуществлением объективного разума; ныне, по Конту, неотвратимым сцеплением или следованием естественных и социологических фактов. Как в той, так и в другой системе, по-видимому, нет места для личного дела*. И та и другая служит превосходным предлогом для людей, боящихся дела.

- К такому заключению несомненно приводит метафизическая система Гегеля. Там действует Абсолют, а где этот господин распоряжается, там, разумеется, не может быть ни возможности, ни места для личного дела. К тому же результату часто и весьма охотно, но совершенно несправедливо и отнюдь не логично приходят многие приверженцы контовского наукословия, именно те, которых в статье «Наука и народ» в 1-м № Народного дела я назвал попами науки.

Не будем дивиться поэтому, что большинство нашей привилегированной молодежи, что наше образованное дворянство вообще, за весьма редкими исключениями, приняло так охотно учение объективистов. Помещик-собственник, человек при месте или надеющийся получить место, не имеют ни малейшей нужды в революции. Напротив, они должны быть врагами ее, потому что революционный вопрос ныне повсюду, а в России более чем где-нибудь, принял характер по преимуществу экономический и социальный, т. е. разрушительный для всех выгодных положений и мест, и надо, чтоб справедливая мысль стала в них страстью и чтобы наперекор всем выгодам положения в сердцах этих господ загорелась беспощадная страсть разрушения, для того чтоб они могли желать революции.

Такие явления не невозможны, но редки. Блестящий сонм Декабристов принадлежал без сомнения к разряду людей, жертвовавших всем для торжества мысли. Но не позабудем, что мысль Декабристов носила по преимуществу и почти исключительно характер политический и героический и что со времени основания первых государств в истории политические

страсти имели всегда дар возбуждать именно в среде привилегированных или высших сословий подвиги доблестного самоотвержения. Не позабудем также, что Декабристы жили и действовали в такую эпоху, когда в образованном сословии целой Европы преобладал дух героического либерализма, во времена Тугендбунда и карбонаризма, когда имена Занда, Морелли и Пепе, графов Бальба и Сантероза, Риего и Мана, Боливари, Лафаета и Боцариса произносились с полумистическим восторгом целой Европой.

Версия #2

██████████ ██████████ создал 7 мая 2025 17:53:16
██████████ ██████████ обновил 6 июня 2025 14:05:48